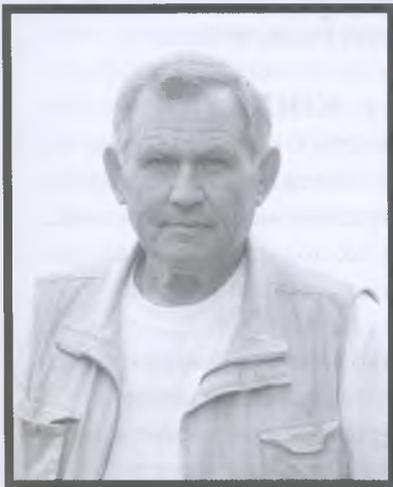

ГЕННАДИЙ ПОПОВ

Попов Геннадий Андреевич родился в 1940 году в Москве. Поэт, публицист. Автор восьми книг стихотворений и поэм, а также многочисленных публикаций в отечественных и зарубежных литературных изданиях. Произведения включены в антологию «Русская поэзия. XX век», в хрестоматию «Писатели Орловского края. XX век», в антологии «Россию сердцем обнимая» и «Молитвы русских поэтов XX – XXI вв.». С 1994 года – ответственный секретарь Орловской писательской организации. Лауреат премии I степени Центрального федерального округа в номинации «За произведения художественной литературы», пяти всероссийских литературных премий и нескольких всероссийских конкурсов. За литературную деятельность награждён орденом Дружбы, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медалью Министерства обороны РФ «За укрепление боевого содружества»; общественными наградами: Золотым орденом «За служение искусству»

Международной Академии культуры и искусства, медалями «За служение литературе», «Ревнителю просвещения. В память 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина», «Василий Шукшин» и др. Член Президиума Академии российской словесности, член-корреспондент Академии поэзии. Сопредседатель правления Союза писателей России. Живёт в Орле.

10 июля 2015 года, когда выпуск альманаха уже был сдан в печать, на 75-м году жизни скончался Геннадий Андреевич Попов. Скорь товарищей по перу, которыми он руководил на протяжении двадцати лет, невыразима. Ушёл из жизни блистательный поэт, талантливый организатор, надёжный друг. Светлая ему память!

«МЫ ВСЕ — ВОЙНЫ ШАЛЬНЫЕ ДЕТИ...»

НАКАНУНЕ

Двадцать второе июня —
Тёплая тишина,
Светлое полнолуние,
Тёмный проём окна.
Рек пограничных теченье,
Миг с небольшим до беды...
Вставали, как на ученьях,
Призраки из воды.
Память опять накануне:
Слышен границ набат.
Двадцать второе июня, —
Враг не дойдёт назад.

ПЕРВЫЙ УЗЕЛ

Вновь и вновь благодарно взглядеться
И пройти вдоль седой городьбы
В глубину снова близкого детства:
До него три минуты ходьбы.
Три минуты ходьбы до вокзала...
Он давно перестроен — другой.
Память много узлов развязала, —
Первый узел, как прежде, тугой:
На перроне дымится картошка,
И хрустит на зубах огурец...
И нескладно поют под гармошку
Одноногий солдат и слепец.

А потом поедят под откосом
И уйдут, и растают вдали...
Их следы, как немые вопросы,
Отпечатает память в пыли.
За посёлком дорогами лета
Даль всё также уходит дугой.
И не знаю, как прежде, ответа,—
Первый узел — он самый тугой.

ПАМЯТЬ ВОЙНЫ

Без остановок эшелоны,
С горчиной хлеб из лебеды.
Разносят скорбно почтальоны
Прямоугольники беды.

Войною меченые дети,
Салют Победы, как отбой...
Опять взметнуло лихолетье
Свой меч над нашей головой.

И рубежи, что были святы
В труде, на отдыхе, в бою,
Вот-вот падут и будут смяты
Во славу падшую твою.

За спины больше не укрыться.
Я есмь твой раб и господин,
Земля моя! Не устыдиться
Твоих страданий и седин.

ПОЛЕВОЙ ВРАЧ

(Памяти О.В. Любомировой)

Не от больничной белизны,—
Наш врач ослепла от войны:
От медсанбатовских ночей
При зыбком пламени свечей,

От ран, контуженных речей
На полосе земли ничьей...
И с глаз не сбросить пелены, —
Они устали от войны.

КИНЖАЛ

Он здесь лежал
с тех горестных времён,
Когда спустился мрак на пепелища,
В округе лес под корень был сведён,
Поруганы погосты и жилища.

Сверкнул клинок... Ударило в набат,
Как колокол, тяжёлое светило,
Зажгло тревожным пламенем закат,
И острие в лучах окровенило.

На рукояти — сбитая эмаль
И свастика. Зазубренное жало.
Чужая опрокинутая сталь
Разбоем промышлявшего кинжала.

Убийцу и земля не приняла.
И, словно рана, здесь не зарастала...
Ничья рука кинжал не подняла...
Живая жизнь на пепелищах встала.

ПРИСЯГА

*Присягают солдаты раз,
Только раз присягают солдаты.*
С. ОРЛОВ

Казалось, небо жмурилось от света
И жгло стоящих в стриженном строю.
А Беларусь пылала в зное лета,
От дыма черного, как в танковом бою.

Деревья, будто скошенные травы,
Валил в лесу торфяника пожар.
Огонь подземный обошел канавы
И с тыла бил по нашим рубежам.

Мы только-только приняли присягу...
Был по тревоге снят дивизион,
Чтоб сбить огонь, прижать его к оврагу,
Отгородить от уцелевших зон.
Мы подвига тогда не совершили:
Заслон от пламени поставить помогли,
Да штабель дров горящих затушили.
Но помню запах выжженной земли.

1963 г.

РУБЕЖИ

*Ветерану Великой Отечественной
войны поэту Семену Ботвиннику*

Стыжусь, что Ваши рубежи
Мы, их заняв, не удержали...
Но, будто скорбные скрижали,
Хранят развалины Державы
Следы величия и славы —
Они еще совсем свежи.
А мы еще убеждены,
Что по большому счету — правы
И не совсем побеждены.
Вернем святые рубежи
И восстановим наши нравы
И право на свободе жить.

Март 2001

ЛЫЖНЫЕ ГОНКИ

Снег липнет на крутом подъёме.
Наспинный белый номер — тёмен
От пота, ярости и ветра.
Без боя не сдаёт и метра
Остервенелая лыжня...
Опять бежим, теряя в росте,
Бежим к черте спортивной злости,
Погоду и себя кляня.
Последний круг второй десятки.
Соперник накатил на пятки.

И, за спиной его везя,
Бежишь, хоть кажется — нельзя.
И снова гибнешь на подъёме.
И ничего на свете — кроме...

Саше Еськову

Глаза — твои, а волосы — седые...
Какие наши годы, но уже
Расставлены судьбою часовые,
Быть может, на последнем рубеже.

Что распевала звонкая синица
Весенним утром сорок лет назад?
Бог весть, о чём...

Вовек не повторится

Тот птичий свист, та первая гроза.

Тогда мы знали, — будем вечно юны,
И нам хватало радостей земли,
И на капризы ветреной фортуны
Мы просто плюнуть запросто могли.

Прошла пора...

Все истины простые

Мы протоптали в старой колее.
Глаза — твои, но волосы — седые...
И ничего не ново на земле.

1995—2005

РУССКИЙ ПУТЬ

*Надежде Мирошниченко (Сыктывкар)
Вадиму Терехину (Калуга)*

Плыл за автобусным окошком,
Сиял на звездном полотне
Луны серебряный кокошник,
А мы смеялись при луне.

Смеялись и потехи ради,
И ради шуточной строки,
Но, к в бою, не на параде, —
Смеялись веку вопреки.

Урановый, борзой, развратный
Он целил в нас через стекло.
А мы смеялись, чтоб обратно
Лихое время потекло.
Чтоб из глубин тысячелетий
Пролился вновь небесный свет
В сердца и каменные клетки,
Где веры в будущее нет.

Чтоб над Орлом и над Калугой,
Над Сыктывкаром и Москвой,
Над каждой нашей округой
Светило счастье день-деньской.

Чтоб и не думали пророчить, —
Россию, мол, не воскресить...
Поэтам русским звездной ночью
Вольно смеяться на Руси.

Страдать душою, но не плакать,
Презрев все козни подлецов...
Не прост, хоть лыком шит,
наш лапоть,
Мы — из породы гордецов.

Во дни раздоров, лихолетий,
Набегов вражеских племён
Наш обух бил чужие плети,
И не склоняли мы знамён

Пусть и нельзя земное время
К его истокам повернуть,
Наветам недругов не внемля,
Мы верили в наш русский путь.

Сквозь все проклятья и заклатья
Россия слышит Божий глас...
Смеялись мы, сестра и братья,
И верили в наш звездный час.

Март 2002,

1-й Всемирный Форум поэзии,

Магнитогорск

НА ПРОХОРОВСКОМ ПОЛЕ

*Герою Советского Союза,
поэту Михаилу Борисову*

И снова — тень над Прохоровским Полем...
Не устоял с годами Сталинград,
И Ленинграда нет на карте боле,
И гибнет под бомбежками Белград.
Не выстоит, и очередь — за нами...
Не за спиной, а в спину нож — Москва.
Нам, кто закрыли небо во Вьетнаме,
Не защитит славянского родства.
Покоя нет на Прохоровском Поле,
Тревогой веет со святых могил...
Нам отступать докуда и доколе,
Нам победить каких набраться сил?
Но к отступленью не осталось доли,
И времени нам больше не дано...
Осталось русским Прохорово Поле,
Осталось русским Куликово Поле...
Европа! Вспомни День Бородино!

Апрель 1999 г.

ДВЕ МОЛИТВЫ

«Без веры нация – толпа...»

Иеромонах Роман

1. Священная война

Когда в неистовстве пожара
Сгорали села, города,
Не изуверилась держава,

Стояла насмерть, навсегда
 Одною спаянная верой
 В свою святую правоту...
 И прочь бежали изуверы,
 Не покорив державу ту.
 Всё те же и земля, и небо,
 И даль, что глазу не видна,
 И как торжественный молебен
 Звучит «Священная война»...

А что народ?
 Народ безмолвен.
 Живёт невзгодам вопреки,
 Что гонят, словно буря, волны,
 На русские материки.
 Как острова немой надежды,
 Деревни наши, города
 Стоят, упрямые, как прежде,
 Как будто горе — не беда.
 А судьбе покорны:
 Терпению не наступил предел.
 Хотя нужда берет за горло,
 И стан мятежных поредел.

Но бродит, как хмельное зелье,
 Неслышный ропот, зреет бунт.
 Среди разбойного веселья
 Непокорённые живут.
 Грешно ль так думать или свято,
 А все же истина стара:
 Страшнее бомб и автоматов
 Бывает время топора.

Оно ведет себя смиренно
 До той решительной поры,
 Когда свирепо, дерзновенно
 Сверкнули лихие топоры.
 Взметнутся кровушки напиться
 И разгуляются с плеча.
 И кровь людская, как водица,
 Рекой польется сторяча...

Да сохрани нас, Вседержитель,
 Россию зреть в кровавой мгле:
 Спаси последнюю обитель
 В грехе живущих на земле,
 Но все же тянущихся к свету,
 Которым в тягость их вина...
 Спаси, Господь, мою планету:
 Грядёт священная война

Май 2002

2. В День национального траура

*Вечной памяти погибших
 моряков АПЛ «КУРСК»*

Восплачь и вознеси молитвы,
 Отчизна горькая моя!
 Опять зовет на поле битвы
 Твоя заклятая змея:
 Ужален щит-ракетносец
 Исподтишка на дне морском...
 Твое копьё, Победоносец,
 Заносит илом и песком...
 Забыта ль ратная наука?
 Но возвращён победный стяг,
 С которым русский витязь Жуков
 Водил дружины на рейхстаг.
 Молю, скорбя:
 — Очнись, святитель!
 Он пробил —

наш последний час.

Покинь священную обитель,
 Подай призывный трубный глас.
 Воспрянь, пока еще не поздно,
 Пронзи презренную змею...
 Но и в твоём молчанье грозном
 Ее гибель узнаю.

23 августа 2000-2008

ОРЛОВСКО-КУРСКАЯ ДУГА

*Памяти Героя Советского Союза,
русского поэта Михаила Борисова*

Стальные метели в полях под Орлом
Июльской порой сорок третьего года
Казалось, сметут всё смертельным огнём...
Россия стояла здесь волей народа.

И злобную силу согнула в дугу
В бою беспощадном, кровавом и лютом.
Здесь выжили мы на погибель врагу!
И вспыхнуло небо первым салютом.

И снова июль... В чистом поле стою,
Под Курском — на той высоте безымянной,
Где пали солдаты в последнем бою,
А ныне — в строю под звездой деревянной.

На братских могилах родная земля,-
Была и останется нашей веками.
Но кажется мне, что ржаные поля
Теперь колосятся стальными штыками.

На Курской дуге в небывалых боях
Россия сражалась за нашу свободу.
Тогда не дозрели хлеба на полях —
Июльской порой сорок третьего года.

Но Курск и Орёл одолеть не смогла
Чужая броня, что рвалась до Урала.
Бесславно на здешних полях полегла
И в наших мартенах потом догорала

Орловско-Курская дуга,
Мы все в долгу перед тобою:
И пред твоим бессмертным боем,
И пред твоим великим полем...
Твоя нам слава дорога,
Орловско-Курская дуга!

СЕДИНА В БОРОДУ...

(из любовной лирики)

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Не вернуть и не исправить...
И даже позабыть нельзя:
Любви не изменяет память.
В забвенье недруги, друзья,
Быльё шумит над юной верой...
Но, неожиданная вновь,
Ударит больно вдруг по нервам
Далёкой клятвой неверной
Та, снова первая, любовь.

О ЛЮБВИ

То невестою стройной, то неверной женой:
И надеждой, и болью шла ты рядом
со мной.
Шла дорогою дальней, юной шла и седой —
От разлук до свиданий шла ты рядом со мной.
Вместе быть не умели, а поврозь —
не могли...
Отшумели метели, и сады отцвели, —
Ничего не осталось... Почему до сих пор
Помню каждую радость, каждый горький укор?
Как рубцы по ненастью, саднят душу мне вновь.
Человеческой власти — неподвластна любовь.

* * *

Красе твоих морозных глаз,
Причёске этой цвета колоса —
Я мог бы спеть негромким голосом,
Не выбирая робких фраз.

Я мог бы спеть по-соловьиному
Лет тридцать пять тому назад...
Склоняю голову повинную
И прячу грешные глаза.

ЦЫГАНКА

А.А.Михайлову

— Прожигай свое сердце вполсилы,
А иначе совсем пропадешь,—
Мне цыганка, смеясь, говорила...
Я спросил у цыганки: — Придешь?
— Не приду, — ты чужой и постылый,
Непонятные песни поёшь.
Я ушла и тебя позабыла.
Не ищи: никогда не найдешь.

1996—2000

БАЛЛАДА ОБ УГЛЕ, СТАЛИ И ЛЮБВИ

Стали звенящей исток,
что не течет вспять, —
безмолвный чугунный поток...
Глаз нельзя оторвать.
Сыплет сотнями искр,
солнечной лавой бурлит —
неудержимо быстр,
и неподвижен на вид.
Как черные слитки, что
бросят в жаркую печь,
чтобы стальной поток
мог непрерывно течь.
Кипит раскалённая сталь,

как огненная река...
В небесную звездную даль
стремятся стальные века.
Движенью не видно конца:
стальному теченью Земли
в один неземной пролив,
где ждут живые сердца.
Оттуда возврата нет,
и прошлое — не зови.
Там остывает след
знойной земной любви.
Она, как чугун и сталь,
пылающею рекой
рождается, чтобы стать
холодной, где вечный покой.
Я видел доменный цех,
где клокотал металл...
С ярких мгновений тех
другим, наверное, стал.
Понял, что нет твердынь,
которых расплавить нельзя,
что может железный дым
выжечь мои глаза.
Что может мужская слеза,
невидимая на щеке,
душу спалить дотла
от тебя вдалеке.
Что можно душу согреть
радостью бытия...
Что не устану петь,
доколе есть ты и я.
Покуда течёт река
стали и чугуна.
Пока на Земле века
не истекут до дна.
Пока не иссякнет слов
бездонных глубин запас.
Насколько мне хватит снов
и яви земной для нас.

Март 2002, Магнитогорск

АЛЫЙ ЦВЕТОК

* * *

Мне снилась слепая мгла.
И не было больше сил.
И ты меня не звала,
И я тебе не звонил.
Метался метельный свет,
За веком неслись века.
Горланил хмельной сосед,
Смирялась во льдах река.
И ветер надрывно выл
В холодной печной трубе.
И кто-то недобрый был
В твоей и моей судьбе.
Была ли ты с ним нежна,
А, может быть, — злой навет?..
Но ты мне была нужна
Мучительней, чем ответ.
Стыли тысячи верст,
Дышала морозом степь.
Месяц бесцветный мерз,
Как пес, изглодавший цепь.
Стояла волчья пора,
Стонали в ночи провода...
Это было вчера
И не было никогда.
Пылающий бред остыл,
Осталась одна зола...
Ты меня не звала,
И я тебе не звонил.

Облетают в садах лепестки...
Зарасту, словно чудище, мхом,
И умру от сердечной тоски
Перед алым бессмертным цветком.

Будут ветры шуметь надо мной,
Звезды ярко гореть по ночам.
И увижу я свет неземной,
Неподвластный земным речам.
За веками наступят века.
Даже память исчезнет о нас...
Возвращайся издалека,
Возвращайся в последний раз.
Станет вечным летящий миг,
Нескончаемой станет любовь...
Мне привиделся лунный лик,
Что сполна народился вновь.
Мы стоим под ним наверху,
Золотится рассветом восток.
А под нами — на смертном мху
Разгорается алый цветок.

НАТАЛЬЯ

(из цикла стихотворений
памяти Павла Васильева)

*«Восславляя светлую Наталью,
Славлю жизнь с улыбкой и печалью...»*

П.Васильев

* * *

Полно, душу себе не трави:
Бог с ним —
гостем случайным, незванным.
День сторит от осенней любви
на последнем костре златотканном.
Луч прорежет вечернюю мглу,
пыль взовьется с дорожных обочин...
Словно в сердце вонзили иглу —
золотую, да острую очень.
Это тешится осень сама,

АЛЫЙ ЦВЕТОК

* * *

Мне снилась слепая мгла.
И не было больше сил.
И ты меня не звала,
И я тебе не звонил.
Метался метельный свет,
За веком неслись века.
Горланил хмельной сосед,
Смирялась во льдах река.
И ветер надрывно выл
В холодной печной трубе.
И кто-то недобрый был
В твоей и моей судьбе.
Была ли ты с ним нежна,
А, может быть, — злой навет?..
Но ты мне была нужна
Мучительней, чем ответ.
Стыли тысячи верст,
Дышала морозом степь.
Месяц бесцветный мерз,
Как пес, изглодавший цепь.
Стояла волчья пора,
Стонали в ночи провода...
Это было вчера
И не было никогда.
Пылающий бред остыл,
Осталась одна зола...
Ты меня не звала,
И я тебе не звонил.

Облетают в садах лепестки...
Зарасту, словно чудище, мхом,
И умру от сердечной тоски
Перед алым бессмертным цветком.

Будут ветры шуметь надо мной,
Звезды ярко гореть по ночам.
И увижу я свет неземной,
Неподвластный земным речам.
За веками наступят века.
Даже память исчезнет о нас...
Возвращайся издалека,
Возвращайся в последний раз.
Станет вечным летящий миг,
Нескончаемой станет любовь...
Мне привиделся лунный лик,
Что сполна народился вновь.
Мы стоим под ним наверху,
Золотится рассветом восток.
А под нами — на смертном мху
Разгорается алый цветок.

НАТАЛЬЯ

(из цикла стихотворений
памяти Павла Васильева)

*«Восславляя светлую Наталью,
Славлю жизнь с улыбкой и печалью...»*
П.Васильев

* * *

Полно, душу себе не трави:
Бог с ним —
гостем случайным, незванным.
День сторит от осенней любви
на последнем костре златотканном.
Луч прорежет вечернюю мглу,
пыль взвевается с дорожных обочин...
Словно в сердце вонзили иглу —
золотую, да острую очень.
Это тешится осень сама,

тройкой в лентах на празднике скачет.
 Солнце осени сходит с ума,
 поздней иволгой зорями плачет.
 Словно кони осенней красоты
 Распустили цветастые гривы:
 это пламя созвездья Весы
 издалёка дохнуло игриво.
 Не волнуйся, прибрежный ивняк,
 не катись, остывшие волны...
 Ветры времени крутят ветряк,
 дикой силы и радости полны.
 Нету силы, чтоб их усмирить...
 Бог с ним — ветром из осени шалой.
 Всё летит серебристая нить
 над вечернею рощей усталой.
 Только душу свою не сожги:
 не ходи по аллеям пустынным.
 Прощумят над Окою дожди
 и расстелятся снегом холстинным.
 Снова в мае зажгутся сады —
 ослепительным, сказочным, белым...
 Не ходи у свинцовой воды,
 где осеннее солнышко село.

* * *

Н.

И Рязань без тебя — не Рязань,
 и берёзовый сок — ни к чему.
 Перестань укорять, перестань,
 я и так ничего не пойму.

Снова, снова дурманит полынь,
 Видно, сны не успели остыть.
 Здесь опять наступает теплынь.
 И нельзя ничего позабыть...

 И нельзя ничего повторить.

НА ОЗЕРЕ ВАЛДАЙ

Т.П.

На день октябрьский не похож,
 он полнится небесным светом.
 Твои слова, острее, чем нож,
 занесены над бабьим летом.
 А день исходит добротой...
 Устав, полуденное солнце
 с осеннею подслепотой
 глядит в немывтое оконце...
 Внизу — озерная вода
 с отливом стали — за стогами.
 Она застынет в холода,
 укрывшись от людей снегами.
 Пока неброской красотой
 Валдай цветет в истоках Волги,—
 Пей, как живительный настой,
 Прозрачный воздух — жадно, долго.
 Природа перед зимним сном
 Врачует синяки и раны
 Осенним пламенным листом...
 И гонит птиц в другие страны.
 Не дай же умертвить словам
 Все то, что здесь светло и свято...
 Стой и молчи. Пусть каждый сам
 Решит, в чем прав и виноват он.

ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Н.

— Не уезжай, — кричит душа
 в потемках.
 Ночной покой нисходит по утрам.
 Днём на сердце — холодная поземка,
 сжигающая кровь по вечерам.
 Игра теней...
 Спектакль под звездным кровом:
 Раскинулся безбрежный
 Млечный путь.

На Чёрном море, осенью суровом,
волною смое слово «не забудь».
Прибой отхлынет, чтоб вернуться снова,
на миг навеять тихую тоску.
Лишь прошуршит прощально это слово,
и пеной растечётся по песку.
Сияют ярче южные созвездья,
где воздух крепче терпкого вина,
и горная гряда в зенит устремлена,
И снежные вершины — в поднебесье.
Не уезжай! Счастливого пути!
Сойдет на нет игра воображенья.
От суеты и вечного движенья
на этом свете не дано уйти.

* * *

Я говорю тебе: — Привет!
А мне молчание в ответ.
Я затаился, словно мышь,
Но ты в ответ опять молчишь.
Я говорю тебе:
— Люблю!
А ты молчишь... Но я терплю
И жду, когда ты скажешь снова
Всего-то ласковое слово.
Но ты молчишь...
И я молчу...
Но слышать всё равно хочу,
Что скажешь, милая, в ответ:
— Меня ты любишь или нет?

МОЛЧАНЬЕ

(из одноимённого цикла
стихотворений)

* * *

Я пишу и звоню, как хожу на работу.
Только толку-то что: ты, родная, молчишь.
И не знаю теперь, кто мы: кто я, и кто ты?

А в эфире стоит непонятная тишь,
Может, именно я есть причина несчастий?
Это кто ж нагадал на несчастье моё?
Не к добру поутру разыгралось ненастье,
А сейчас разлеталось вокруг вороньё.
Я не стану судить и гадать в одночасье...
Может, скажешь сама и поверю тебе.
Если нет, всё равно — это ты моё счастье,
За которое я благодарен судьбе.

* * *

«Я спросил у ясеня:
— Где моя любимая?..»

В. Кирион

Почему ты молчишь,
я спросил на коленях.
Но немое молчанье мне было в ответ.
Видно мне одному тосковать в отдаленье,
А тебе до меня вроде дела и нет.
И не спрашивай больше, здоров я иль болен:
Ты же знаешь, родная, я болен тобой.
Называть не родною, прости, я не волен,—
Ты была и останешься самой родной.
Пусть никак не понять мне такой перемены:
Вдруг уйти, затаясь, после ласковых слов?!
Но не хочется верить в реальность
измены,
Потому что я верю в нашу любовь.

РОМАНС

Я ревновать сейчас не смею,
Но верность памяти храня,
Опять ревную, как умею...
Прости меня, прости меня!
Прости за то, что разлюбила,
Прости за то, что не сбылось.
Прости за всё, что было мило
И просто так оборвалось.

Немым укором не смущая
Ни ночью, ни при свете дня,
Не ревновать не обещаю...
Прости меня, прости меня!

* * *

Прекрасный миг не предскажем...
Всё в Божьей власти на земле.
Всех, гений кто или безумен,
Всех Божий свет ведёт во мгле.

Но над любовью нету власти!
И даже Бог ей не судья,
Когда в порыве нежной страсти
Под нами кружится земля.

ВОЛЧИЙ СОН

*«Ад — это там, где нет Бога»
Тед Чан «История твоей жизни»*

Так горько сознавать, что нелюбим
тобою...

Ты позабыла всё, что связывало нас.
Давно хожу один с повинной головою:
Я обижал тебя и, видимо, не раз.

И нет покоя мне, не для меня прощенье,
Что стал тебе чужим... Былого не вернуть:
Прошла твоя любовь, а, может, увлечение,
Казалось, бесконечный, окончен общий путь.

Лишь теплится одна, последняя надежда,
Что встретишься опять мне на моём пути,
И будем вместе мы, и станет всё, как прежде...
Да места на Земле такого не найти!

Где нет тебя,— сейчас мой ад земной
вершится:

Безмолвие и тлен... И никого округ.
А я мечусь во сне, как раненая птица,
Ищу тебя, зову... И просыпаюсь вдруг.

Ну что же ты молчишь?

Скажи хотя бы слово,—
Ведь знаешь, что в тебя по-прежнему
влюблён...

Молчанье и тоска... Я погружаюсь снова
В безрадостную явь, как в этот волчий сон...
7 декабря 2014, г. Орёл